

ԳՈՒԶԵԵՎԱ ՕԼԳԱ

*Իրավաբանական գիտությունների թեկնածու,
Մոսկվայի մարզի արբիտրաժային դատարանի դատավոր*

GUZEEVA OLGA

*Candidate of Legal Sciences,
Judge of the Moscow District Arbitration Court*

ГУЗЕЕВА ОЛЬГА

*Кандидат юридических наук,
судья Арбитражного суда Московской области*

**ՍԱՀՄԱՆԱԴՐԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ԵՎ ՔՐԵԱԻՐԱՎԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՓՈԽԿԱՊԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆԸ*****THE INTERCONNECTION BETWEEN CONSTITUTIONAL LEGAL AND CRIMINAL LEGAL
RELATIONS*****ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ
И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ***

Связь конституционного и уголовного права не является только актуальным теоретическим тезисом. Она находит свое конкретное практическое воплощение на всех уровнях функционирования правовой системы, в том числе (и это особенно важно), на уровне правовых отношений. Между тем, вопрос о взаимосвязи конституционно-правовых и уголовно-правовых отношений, при всей его несомненной значимости и, казалось бы, самоочевидности, не получил в доктрине должного внимания. Анализ корреспондирующей библиографии показывает, что в конституционно-правовой науке предпринят ряд важных шагов по изучению конституционно-правовых основ регулирования самых разных отраслевых отношений, однако проблематика конституционного регулирования отношений уголовно-правовых здесь не представлена (по крайней мере, нам не удалось встретить ни одной диссертации по конституционно-правовой специальности, посвященной данному вопросу). Что касается уголовно-правовой науки, то здесь имеются лишь отрывочные суждения на этот счет, высказанные в контексте обсуждения предмета уголовного права¹ или межотраслевых связей уголовного права². В итоге можно констатировать наличие определенного пробела в правовой теории, связанного с познанием механизма взаимосвязи конституционных и уголовно-правовых отношений, что обуславливает необходимость обращения к данной теме на уровне самостоятельного раздела исследования.

* Հոդվածը ներկայացվել է 07.02.2020, գրախոսվել է 17.03.2020, ընդունվել է տպագրության 25.03.2020:

* The article was presented 07.02.2020, was reviewed 17.03.2020, was accepted to publication 25.03.2020.

* Статья представлена 07.02.2020, рецензирована 17.03.2020, принята в печать 25.03.2020.

¹ См., например: Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011; Белов М.Н. Правоотношения в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2002.

² См., например: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998.

Приступая к ее анализу, полагаем необходимым, не погружаясь вглубь дискуссии, хотя бы в общих чертах обозначить некоторые проблемы теории уголовно-правовых отношений, которые имеют касательство к предмету исследования.

Прежде всего, надо обозначить сам круг уголовно-правовых отношений. По этому поводу в науке высказывались и до сих пор аргументируются самые разные позиции.

Общей точкой соприкосновения едва ли не всех концепций выступает признание в качестве уголовно-правовых тех отношений, которые возникают между лицом, совершившим преступление (общественно опасное деяние) и государством в лице его уполномоченных органов по поводу определения меры ответственности виновного лица.

Гораздо более спорным и дискуссионным выступает: а) признание предметом уголовного права так называемых «базисных» отношений, поставленных под охрану уголовного закона (или их отдельных сторон); б) признание уголовно-правовыми так называемых «общепредупредительных» отношений, возникающих в связи с фактом издания (вступления в силу) уголовного закона.

Отдельного внимания заслуживает попытка рассмотреть в качестве уголовно-правовых отношения, которые возникают в процессе создания уголовно-правовых норм.

Определяя свое отношение к проблеме, полагаем возможным без дополнительных аргументов присоединиться к авторам, которые считают уголовно-правовыми отношения между «преступником» и «государством», а также исключают из числа уголовно-правовых «базисные отношения», стравляют предмет охраны, но не предмет регулирования. Вопрос же об «общепредупредительных» и «законотворческих» отношениях требует отдельного и дополнительного внимания.

Они весьма тесно взаимосвязаны, предупредительные отношения выступают логическим продолжением и следствием отношений законотворческих. Однако восприятие и оценка их в науке различны.

Отношения, которые возникают в связи с изданием уголовного закона, многими авторами включаются в предмет уголовного права, признаются уголовно-правовыми. Так, в частности, Н.Ф. Кузнецова называла «уголовно-правовыми отношениями в широком смысле»¹ те отношения, которые возникают со вступлением уголовного закона в силу, когда начинают действовать превентивные функции уголовного закона, оказывающие воздействие на неустойчивых лиц, удерживая их от совершения преступлений под угрозой применения наказания. Об этом же писал В.Д. Филимонов, называя такие отношения «общепредупредительными»², Н.М. Кропачев, Н.А. Лопашенко, А.И. Бойцов, Ю.В. Грачева эти отношения именуют регулятивными³.

В науке раскрыты характеристики такого отношения. Его юридическим фактом признается издание (иногда – вступление в силу) уголовного закона (при этом, как правило, речь идет только о законах, которые вводят или отменяют те или иные уголовно-правовые запреты). В качестве

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало М, 2002. – С. 3.

² Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 80 – 81.

³ Кропачев Н.М. Уголовные правоотношения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1984. – С. 10 – 11; Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – С. 25 – 30; Уголовное право России. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Изд. Дом Санкт-Петербургского университета, 2006. – С. 32; Грачева Ю.В. Виды уголовно-правовых отношений // Lex Russica. – 2008. – № 6. – С. 1347 – 1369.

дополнительного юридического факта, образующего фактический состав правоотношения, часто указывается на достижение определенного возраста вменяемым лицом, к которому обращены требования уголовного закона. Субъектами отношения признается государство, с одной стороны, и все «уголовно – правоспособные и дееспособные», то есть способные выступать субъектами охранительных уголовно-правовых отношений лица. Содержанием отношения признается безусловное право государства устанавливать и обязанность частных лиц соблюдать установленные уголовно-правовые запреты.

Однако признание этих отношений уголовно-правовыми встречает в науке критику. Так, Ю.И. Ляпунов указывал, что в этих абсолютных, а потому чуждых природе уголовного права отношениях нет юридического факта для возникновения правоотношения, нет четко обозначенных субъектов, их прав и обязанностей. По его мнению, сторонники признания предупредительных отношений подменяют понятие предмет регулирования и функция права. Уголовное право воздействует на лиц, которые не совершают преступлений, но не регулирует их поведение¹. Ю.Е. Пудовочкин пишет, что по своему субъектному составу и содержанию такие отношения не отличаются от иных отношений, возникающих в связи с изданием неуголовно-правовых актов, в связи с чем, по его мнению, более правильно рассматривать такие отношения в качестве разновидности конституционно-правовых отношений². На конституционно-правовой природе таких отношений настаивает Г.О. Петрова³.

Включаясь в дискуссию по данному вопросу, прежде всего, представляется необходимым заметить в порядке общей критики, что отраслевые специалисты (причем с обеих сторон спора) не всегда последовательны в использовании наработанной общей теорией права терминологии и не всегда соотносят свои рассуждения с общеправовыми концепциями, что привносит дополнительные сложности в уяснение авторских концепций и не способствует выработке консенсуальных решений.

Заметим, что «общепредупредительные» или «регулятивные» отношения, о которых говорится в уголовно-правовых сочинениях, есть то, что в теории права давно и устойчиво именуется общерегулятивными отношениями.

Специфика таких отношений, как утверждают некоторые специалисты, в особой степени индивидуализированности субъектов и в содержании. Так, Ю.С. Новикова, «общерегулятивные правоотношения – очень своеобразные явления. Во-первых, они не имеют точной, «поименной» индивидуализации субъектов. Во-вторых, для возникновения общерегулятивных правоотношений не требуется иных обстоятельств (юридических фактов), кроме существования самого субъекта – носителя общего права или общей обязанности. В-третьих, по сроку действия общерегулятивные правоотношения соответствуют сроку существования правовых норм, на основе которых они возникли»⁴. Общерегулятивные отношения, по мнению многих авторов, самым тесным образом связаны с общими правовыми нормами, в том числе с Конституцией РФ⁵.

¹ Уголовное право. Общая часть. Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Кно Рус, 1997. – С. 17 – 19.

² Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 43 – 73.

³ Петрова Г.О. Уголовно-правовое регулирование в России на рубеже веков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2000. – № 1. – С. 283.

⁴ Новикова Ю.С. О концепции общерегулятивных правоотношений // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 25 (380). Право. Вып. 45. – С. 16.

⁵ Липинский Д.А. Регулятивные правоотношения и позитивная юридическая ответственность // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 4 (64). – С. 14

Вопрос, который, тем не менее, возникает в связи с обсуждением общерегулятивных отношений, – это их правовая природа. Ссылаясь на общий характер таких отношений, отраслевые специалисты (Г.О. Петрова, Ю.Е. Пудовочкин) утверждают, что они имеют конституционно-правовую природу, в то время как специалисты в области теории права (Д.А. Липинский) признают наличие общерегулятивных отношений в предмете едва ли не любой отрасли права, в том числе и права уголовного.

Отталкиваясь от последней теоретической платформы, строят свои рассуждения и отраслевые авторы, допускающие наличие общерегулятивных уголовно-правовых отношений. Однако единственное, на наш взгляд, что связывает такие отношения с отраслью уголовного права, это наименование и содержание принятого государством закона, требования которого граждане должны соблюдать. Представляется все же, что этого недостаточно для признания возникающих отношений сугубо отраслевыми. В противном случае надо констатировать наличие стольких общерегулятивных отраслевых отношений, сколько отраслевых законов будет принято в стране. В практическом и теоретическом плане такое «умножение» отношений не дает сколько-нибудь значимого эффекта. К тому же надо принять во внимание, что рассматриваемый нами вид отношений связывается специалистами только с одним из видов уголовных законов – теми, что устанавливают или отменяют уголовную ответственность за то или иное деяние. Что касается иных уголовных законов (например, конструирующих основания освобождения от ответственности, включающих новый вид уголовных наказаний и др.), то они, по-видимому, не влекут возникновение таких отношений, так как не налагают на граждан каких-либо дополнительных обязанностей. Разная «продуцирующая» способность одинаковых по своей природе законов вызывать к жизни общерегулятивные отношения также не способствует укреплению позиций их сторонников.

К сказанному надо добавить также, что и в самой теории права отношение к общерегулятивным правоотношениям весьма неоднозначно. Так, например, Н.И. Матузов, признавая ценность общерегулятивных (общих) правоотношений, в большей степени склонен рассматривать их в качестве конституционных, а следовательно, базовых, исходных для отраслевых правоотношений¹. В то же время А.Б. Венгеров критически относится к идее общерегулятивных отношений. Если они выступают лишь предпосылкой отраслевых правоотношений, следовательно в рамках таких общих правоотношений невозможно непосредственно реализовать потенциал общих конституционных норм, соответственно, конституционная норма остается «безжизненной»².

Перед нами, таким образом, возникает актуальная теоретическая задача: с одной стороны, признать реальность общих прав и обязанностей человека и государства, которые вытекают из права государства на установление уголовно-правового запрета и обязанности личности его соблюдать, а с другой стороны, – органично вписать эти права и обязанности в предмет уголовного права, сочетать их с уголовно-правовыми отношениями.

Как мы старались показать, теория предлагает два потенциально возможных решения этой проблемы. Первый состоит в вычленении в структуре предмета уголовного права особой группы общерегулятивных уголовно-правовых отношений. Однако этот вариант обоснования не представляется нам убедительным, учитывая содержание таких отношений, фактическое отсутствие

¹ Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Дело, 2015. – С. 185.

² Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник для юридических вузов. 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. – С. 243.

механизма их реализации и сквозной, межотраслевой характер прав и обязанностей субъектов. Не убеждают и рассуждения о трансформации общерегулятивного отношения в охранительное в связи с совершением преступления¹, поскольку факт совершения преступления не разрывает и не уничтожает общерегулятивного отношения и не исключает «преступника» из числа его субъектов, за ним по прежнему значится обязанность соблюдения запретов, установленных уголовным законом. Иными словами, общерегулятивные и охранительные уголовные правоотношения оказываются фактически не связанными друг с другом, протекающими параллельно и независимо друг от друга.

На этом фоне гораздо более аргументированной выглядит иная теория, отрицающая наличие общерегулятивных правовых отношений и связывающая общие права и обязанности субъектов отраслевых правоотношений с понятием правового или конституционного статуса или состояния. Заметим, что даже сторонники концепции общих правоотношений признают это обстоятельство. В частности, С.С. Алексеев пишет: «Общие отношения, следовательно, – это не конкретные связи между неопределенными лицами, а специфическое состояние, в котором находится данный субъект и которое определяет его положение по отношению ко всем другим лицам»².

Развивая эти идеи и преломляя их к проблематике нашего исследования, можем заметить, что в строгом соответствии с предписаниями о прямом действии Конституции РФ и ее учредительном для отечественной правовой системы характере, **общие права и обязанности человека и государства должны быть признаны непосредственно действующими, реализуемыми, в рамках всех без исключения правоотношений, независимо от их отраслевой принадлежности. Эти права и обязанности образуют компоненты правового статуса субъектов, который не зависит от того, участниками каких именно правоотношений они выступают, они есть предпосылка и условие возникновения отраслевых правоотношений.** Эти права и обязанности определяют меру свободы и ответственности субъектов в осуществлении всех иных принадлежащих им прав.

С этих позиций следует рассматривать и деятельность государства по созданию уголовно-правовых норм. Она есть проявление обозначенного статуса государства, реальное воплощение свободы его усмотрения и ответственности в установлении запретов. В той степени, в какой правомерное с точки зрения уголовного закона поведение человека есть его правовое состояние «законопослушности», в той же степени законотворческая деятельность государства по созданию уголовно-правовых запретов есть проявление его состояния ответственности перед личностью и обществом за обеспечение безопасности. Другое дело, что деятельность государства по созданию уголовно-правовых норм не только предписана, но и сама по себе урегулирована правовыми нормами, в частности, нормами конституционного права. В связи с чем в процессе этой деятельности возникают законотворческие отношения, которые по своей отраслевой природе не могут быть признаны уголовно-правовыми даже в том случае, если речь идет о принятии уголовного закона; такие отношения суть отношения конституционно-правовые.

Таким образом, **то, что в отраслевой науке определяется как общерегулятивные уголовно-правовые отношения и отношения, связанные с уголовным законотворческим, целесообразно рассматривать не как самостоятельные виды правоотношений, образующих предмет уголовного права, а как элементы предустановленного на конституционном уров-**

¹ Кропачев Н.М. Уголовные правоотношения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Л., 1984. – С. 14.

² Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. Т. 2. — М.: Юридическая литература, 1981. – С. 104.

не статуса участников «классического», охранительного уголовно-правового отношения, их права и обязанности, обусловленные социальной природой этих субъектов и по большому счету, неотчуждаемые от них. Подчеркнем – это именно элементы правового статуса, поскольку правом государства на установление запрета и обязанностью граждан их соблюдать соответствующие статусы не исчерпываются.

Но это центральные, базовые права и обязанности, которые определяют все последующие варианты взаимоотношений государства и личности в области публично-правового взаимодействия в связи с фактом совершения преступления. Это элементы, которые составляют исходные возможности для участия государства и личности в последующих правовых отношениях. С известной долей условности, образно, их можно уподобить категории право- и дееспособности субъектов. Государство с момента своего образования наделено способностью создавать уголовно-правовые запреты, равно как физическое лицо, находящееся в его территориальном пространстве или состоящее с ним в правовой связи по праву рождения, с момента рождения наделено обязанностью эти уголовно-правовые установления соблюдать. Для реализации же государством своего права наказания и для исполнения лицом возложенной обязанности нужны определенные условия (соотносимые с дееспособностью), которые устанавливаются на конституционном уровне и в отраслевом законодательстве (они касаются инфраструктуры законотворческого процесса, особых характеристик уголовно ответственных лиц и т.д.).

В рассуждениях о правовом статусе надо иметь в виду следующее важное обстоятельство. Правовой статус – сложный и многосоставной феномен. В нашем представлении он объемлет собой всю совокупность прав, обязанностей, правовых интересов, ответственности субъекта. Важно также, что правовой статус – это единая, целостная характеристика личности или государства как субъекта всех правоотношений. Его только очень условно можно дифференцировать на основе отраслевого признака, и выделять в частности, статус уголовно-правовой. Такая неделимость правового статуса и относительная условность его отраслевых модусов заставляет признать еще одно важное теоретическое обстоятельство: применительно к субъектам уголовно-правовых отношений **целесообразно на теоретическом уровне вычленять, во-первых, правовой статус субъекта уголовно-правового отношения, а во-вторых, уголовно-правовой статус субъекта. Они соотносятся как часть целое, уголовно-правовой статус субъекта выступает частью правового статуса субъекта уголовно-правового отношения.** Его специфика в том, что он образуется комплексом прав, обязанностей, которые предопределены именно уголовно-правовыми, а не иными отраслевыми нормами. Так, например, лицо, совершившее преступление, может выступать участником семейно-правовых, трудовых, пенсионных, иных правоотношений, в каждом из которых его права и обязанности могут быть некоторым образом скорректированы в связи с фактом совершения преступления. Совокупность таких специфических прав и обязанностей будет образовывать в целом правовой статус лица, совершившего преступление. И только частью этого статуса будут его права и обязанности, предопределенные уголовно-правовыми предписаниями.

Корректировка правового статуса, необходимость которой обусловлена фактом совершения преступления, происходит в рамках отраслевых отношений, первичными из которых выступают уголовно-правовые отношения, поскольку подтвержденное в их рамках событие преступления и виновность лица служат юридическим фактом, корректирующим иные правовые отношения. Но вся эта корректировка осуществляется исходя из тех базовых возможностей и ограничений, которые заданы конституционным статусом государства и личности.

Этим конституционным статусом государство и личность обладают в любой правовой ситуации, в том числе и в ситуации, возникающей в связи с наличием угроз безопасности, исходящих от неправомерных, преступных действий. «Будучи декларативным, конституционный статус содержит большое число правовых принципов и целей общества и государства. Тем самым он имеет характер основополагающих начал по отношению к регулированию положения индивида нормами иных отраслей российского права»¹. **Конституционный статус пронизывает и предопределяет конкретное содержание прав и обязанностей участников уголовного правоотношения, раскрывается и детализируется в них.** Именно в силу общности отраженных в нем прав и обязанностей применительно к каждой сфере взаимодействия государства и личности, конституционный статус нуждается в конкретизации.

Конкретизированный для целей уголовно-правового регулирования конституционный статус государства и личности составляет «частное проявление» конституционного статуса этих субъектов, служит ядром и основой для формирования их статуса, определенного рамками уголовно-правовых отношений. Выявление и презентация этого статуса составляет сложную интеллектуальную задачу, поскольку, с одной стороны, Конституция РФ далеко не всегда содержит конкретизированное для целей уголовного права описание прав и обязанностей субъектов общественных отношений, а с другой стороны, фиксация некоторых прав и обязанностей в уголовном законе в ряде случаев дезавуирует их конституционную природу. Во многом задача объективирования рассматриваемого феномена решается Конституционным Судом РФ. Но и наука, безусловно, должна внести в нее свою лепту. При этом исходной теоретической позицией должно стать признание самого факта наличия конституционного статуса участника уголовного отношения, как предписанных или непосредственно вытекающих из конституционных норм его прав, интересов и обязанностей.

В связи с изложенным возникает необходимость соотнести конкретизированный для целей уголовно-правового регулирования конституционный статус государства и личности с представлениями о конституционно-правовых отношениях, продолжая и углубляя тем самым наши рассуждения о взаимосвязи уголовно-правовых и конституционно-правовых отношений.

Вопрос о предмете конституционного права – один из наиболее сложных в юридической науке. Не вдаваясь в его детальное исследование, отметим, что практически все конституционалисты едины в том, что одним из элементов предмета конституционного права как отрасли права выступают основы правового статуса человека и гражданина². Признание отношений, возникающих в связи с признанием, установлением, охраной, ограничением прав и свобод человека, составной частью предмета конституционного права – есть общая точка согласия всех пишущих на эту тему. Но именно с этой общей точки начинается обсуждение иного проблемного вопроса – о соотношении предмета конституционного права с предметом иных отраслей. Ведь если признать, что уголовное право, в конечном итоге, ориентировано на защиту прав человека посредством ограничения прав, разграничение конституционного и уголовного права должно составлять значимую теоретическую проблему.

В юридической науке на этот счет высказываются различные суждения. Приведем несколько, наиболее показательных и, как представляется, крайних, полярных в своем содержании.

¹ Данилюк И.А. Правовой статус личности: понятие, юридическая конструкция // Известия Алтайского государственного университета. – 2013. – 2-2 (78). – С. 91.

² Комаров С.А., Попова А.В. Предмет конституционного права: взгляд теоретиков // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95). – С. 107, 108; Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: Норма, 1999. – С. 6.

Так, в уголовно-правовой литературе было высказано мнение о том, что уголовное право является «исключительной отраслью конституционного права, регулирующей чрезвычайные меры охраны наиболее важных и в то же время наиболее уязвимых интересов и благ от чрезвычайных посягательств на них (преступлений)»¹. Оно встретило обоснованную критику отраслевых специалистов², которые отмечают при таком подходе нарушение начал иерархического строения системы права и фактическую бесполезность всех дискуссий относительно отраслевого строения права и определения предмета уголовно-правового регулирования. С этими суждениями надо согласиться. При всей значимости уголовного права для определения оснований и пределов ограничения прав человека далеко не все его предписания имеют конституционно-правовой характер, отражающий начала взаимоотношений личности и государства. Поэтому попытку «растворить» уголовно-правовые отношения в отношениях конституционных нельзя признать удачной.

С другой стороны, в конституционно-правовой науке была высказана идея о том, что конституционное право представляет собой не только отдельную отрасль права, имеющую предмет правового регулирования публичные властеотношения, но и универсальную отрасль (общую часть) российского права, так как конституционные нормы предопределяют выделение в праве профилирующих отраслей (в том числе уголовного)³. Некоторые авторы утверждают даже, что «совокупный предмет всех отраслей российского права является предметом и конституционно-правового регулирования, на который конституционное право воздействует с помощью своих особых средств». ... Предмет конституционного права и предмет национального права принципиально совпадают. Конституционное право «работает» везде, где «работает» национальное право⁴. В данном случае попытка «поглотить» конституционным правом все иные отношения не встретила поддержки со стороны конституционалистов.

Таким образом, **уголовно-правовые отношения не являются конституционно-правовыми, а последние не поглощают собой предмет уголовного права**. Возникающая в данном случае необходимость разграничить предметы отраслевого регулирования решается в конституционно-правовой науке по преимуществу за счет обоснования таких категорий, как «сфера общественных отношений» и «основополагающие отношения».

Специалисты пишут в связи с этим: предмет конституционного права складывается из двух групп общественных отношений. К первой группе относятся общественные отношения из тех сфер жизни общества, которые конституционное право регулирует непосредственно и в полном объеме (в данном случае речь идет об отношениях, связанных с государственным строительством, структурой органов власти и т.д., которые нами не рассматриваются). Ко второй группе (она интересует нас в большей степени в связи с рассматриваемыми вопросами) относятся лишь основополагающие отношения, т.е. такие, которые предопределяют содержание остальных отношений⁵. Отсюда – вывод: у конституционного и иных отраслей права «общими могут

¹ Беляев В.Г. Применение уголовного закона. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 34.

² См., например: Пикуров Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1998. – С. 18; Генрих Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Рязань, 2011. – С. 82 – 83.

³ Конституционное право России: учебник / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. – М.: Юрист, 2003. – С. 18 – 19.

⁴ Кокотов А.Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 15 – 22

⁵ Уманский Я.Н. Советское государственное право. – М.: Высш. шк., 1970. – С. 5.

быть лишь сферы общественных отношений, а не конкретные отношения, выраженные в предмете той или иной отрасли»¹. «Что касается других отраслей права, – писал Кутафин О.Е., – то их соотношение с конституционным правом состоит в том, что нормы последнего регулируют основополагающие для других отраслей права отношения. Однако эти нормы относятся исключительно к конституционному праву»².

В представленных цитатах нет категорического суждения о том, какова же отраслевая принадлежность этих «основополагающих» для отдельных отраслей права отношений. Однако на наш взгляд, можно обоснованно предположить, что специалисты (уж поскольку они рассуждают о предмете конституционного права и отграничивают этот предмет от предмета иных отраслей права) усматривают именно конституционно-правовую природу «основополагающих отношений». При этом один из знаковых аргументов состоит в том, что эти отношения урегулированы нормами конституционного права.

Вместе с тем, представляется возможным заметить, что определение отраслевой природы правоотношения только на основе характера правовой нормы не вполне обоснованно. Вид правоотношения определяется не столько отраслевой принадлежностью нормы, сколько его природой, содержанием прав и обязанностей. Ведь не исключены ситуации, когда отраслевое (уголовно-правовое) отношение регулируется нормой, которая в силу тех или иных причин (как правило, восходящих к дефектам законотворчества) размещена в законе иной отраслевой принадлежности (например, не в уголовном, а в уголовно-процессуальном или в уголовно-исполнительном кодексе). К тому же и сама Конституция, хотя и основной, но все же «рукотворный» продукт, в связи с чем в разное время и в разных странах степень регламентации отраслевых отношений в конституционных текстах может быть различной. Вряд ли только в связи с появлением в Конституции или исключением из ее текста той или иной нормы, ориентированной на регулирование отраслевых отношений, можно говорить о расширении или сокращении предмета конституционного регулирования.

Концепция «основополагающих» отношений как части предмета конституционного права требует уточнения еще одного порядка. Она допускает, что в «сфере» общественных отношений, которая традиционно воспринимается как сфера уголовного права, сосуществует два (как минимум) вида правоотношений: основополагающие (конституционные) и какие-то иные, отраслевые, уголовно-правовые. Если это так, то надо логично признать, что это, хотя и относящиеся к «одной сфере», но разные отношения. Между тем, думается, что это не так. «Основополагающими», по нашему представлению, следует признавать не отношения, которые регулируют конституционно-правовые нормы в сфере уголовного права, а сами конституционные нормы. Отношения же эти – суть отношения уголовно-правовые. В то время как уровень их регулирования конституционными нормами качественно отличается от регулирования нормами уголовного закона³.

Специфика конституционных норм в регулировании уголовно-правовых отношений состоит в том, что сами эти нормы содержат предписания, которые могут быть применимы не

¹ Нарутто С.В. Профессор Е.И. Козлова о предмете конституционного права // Lex Russica. – 2016. – № 3. – С. 116.

² Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. – М.: Юристъ, 2001. – С. 145.

³ То обстоятельство, что уголовно-правовые отношения могут регулироваться нормами различной отраслевой принадлежности не должно смущать. Напомним, что идея отраслевого строения права является не имманентной праву вообще, она есть результат теоретического осмысления правовой действительности, а потому отраслевая дифференциация – относительно условная характеристика права.

только для уголовно-правового, но и для иных сфер правового регулирования (процессуального, административно-деликтного, предупредительного и т.д.). Вполне закономерно в этой связи, что проверка конституционности уголовного, процессуального, административного, налогового и иных видов законов осуществляется Конституционным Судом РФ с точки зрения их соответствия одним и тем же нормам Конституции РФ. Практически невозможно (за некоторыми единичными исключениями) выделить конституционные нормы, которые были бы предназначены для регулирования только и исключительно уголовно-правовых отношений.

Такой обобщенный характер конституционных норм и их способность упорядочивать не только уголовно-правовые, но и иные, смежные с ними, отношения, оправдывает постановку вопроса о том, не возникают ли на основе этих норм некие «основополагающие» или надотраслевые отношения, и не являются ли эти отношения конституционно-правовыми, как об этом говорят конституционалисты. Однако по нашему убеждению, ответ на него должен быть отрицательным. **Выделять «основополагающие» в сфере уголовного права отношения в самостоятельную группу конституционно-правовых отношений, наряду с отношениями, определяющими конституционно-правовой статус государства и личности, нецелесообразно.** Они создают иллюзию того, что помимо статусных (конституционных) и собственно уголовно-правовых отношений в системе правоотношений существует некоторое «промежуточное» звено – отношения, более конкретизированные по сравнению с отношениями, устанавливающими конституционный статус личности, но в тоже время более общие, чем отраслевые уголовно-правовые отношения. Такое «умножение» не приносит ясности и стройности в учение о межотраслевых связях уголовного права, напротив, порождает малополезные в практическом отношении дискуссии.

Полагаем, **то, что в конституционном праве именуется «основополагающими» отношениями в сфере уголовного права в реальности есть элемент, часть традиционных конституционно-правовых отношений, определяющих конституционный статус личности и государства в любых областях их правового взаимодействия.** Это и есть тот самый, конкретизированный для целей уголовного-правового регулирования конституционно-правовой статус, о котором шла речь выше.

В итоге, на основании представленных рассуждений можно выстроить следующую схему:

- обладая правом на установление правовых запретов и обязанностью их соблюдать под угрозой ответственности, государство и личность вступают в правовые отношения; эти право и обязанность составляют природный, имманентный элемент правосубъектности участников правовых отношений и выступают предпосылкой самих правоотношений; они фиксируются в Конституции РФ в качестве исходного начала правоотношений;
- конституционное право определяет основные начала регулирования уголовно-правовых отношений посредством конкретизации для этих целей правового статуса личности и государства, формирует конституционно-правовой статус участников уголовных правоотношений, который выступает основой для реализации уголовно-правовых отношений;
- уголовное право формирует уголовно-правовой статус участников уголовно-правовых отношений, параметры которого не могут выходить за пределы, заданные конституционным правом.

Такое понимание взаимосвязи уголовно-правовых и конституционно-правовых отношений позволяет уточнить некоторые общие представления о предмете уголовного-правового регулирования. Как отмечалось, господствующая точка зрения состоит в том, таковым признаются определенные общественные отношения, урегулированные, как мы выяснили, нормами конституционного и уголовного права. Однако в современной литературе была высказана иная мысль по поводу содержания отраслевого предмета. В частности, А.Э. Жалинский пишет: «Потенциальный предмет уголовного права – это те стороны поведения граждан и действий коллективных образований, институтов, коммуникаций, отношений и других элементов социальной действительности, которые могут быть изменены легитимно, т.е. в соответствии с Конституцией РФ и обще-

признанными принципами и нормами международного права. Этими сторонами являются: содержание и пределы права совершать определенные действия (бездействие); круг обязанностей совершать действия (бездействие), в т.ч. необходимые для недопущения запрещенного поведения; изменение статусов, включая ликвидацию и трансформацию институтов; обязанности претерпевать меры государственного принуждения»¹.

Интерпретируя сказанное, можно видимо не боясь ошибиться, сказать, что в представлении А.Э. Жалинского предмет уголовного права есть правовой статус лиц, к которым обращены уголовно-правовые запреты. Такое понимание предмета уголовного права, по нашему мнению, уточняет, но не противоречит социологической интерпретации объекта правового воздействия как общественных отношений, поскольку правовой статус может мыслиться только в рамках правоотношений. Однако предложенная А.Э. Жалинским концепция открывает более удобную в прикладном, инструментальном аспекте грань правоотношений, позволяет более зримо представить взаимосвязь конституционного и уголовного права. Можно вполне уверенно утверждать, что и конституционное, и уголовное право имеют предметом своего регулирования правовой статус личности. С той лишь разницей, что определяют они его на различном уровне и применительно к различным правовым ситуациям. Конституционное право закрепляет правовой статус личности на уровне общем уровне, создавая его в качестве незыблемой основы для всех последующих возможных модификаций, тогда как уголовное право корректирует и уточняет этот статус применительно к ситуации ответственности за общественно опасное поведение.

Ամփոփագիր¹ Հոդվածում քննարկվում է սահմանադրական իրավունքի և քրեական իրավունքի միջև առկա փոխկապակցվածությունը՝ վերջինիս անհրաժեշտությունը դիտարկելով ոչ միայն տեսական, այլև գործնական նշանակություն ունեցող և յուրօրինակ վերլուծություն պահանջող խնդիր: Բացահայտվում է քրեական օրենսդրության առարկայի շրջանակից «ընդհանուր կարգավորման ենթակա հարաբերությունները» բացառելու անհրաժեշտությունը, ինչպես նաև քրեական օրենսդրության շրջանակում սահմանադրական իրավունքի առարկայի մասը կազմող «հիմնարար» հարաբերությունների շեշտադրման անպատակահարմարությունը:

Annotation: The article is devoted to the complex and insufficiently studied issue of the relationship of criminal-legal and constitutional-legal relations. The necessity of exclusion of “general regulatory” relations from the scope of the subject of criminal law, as well as the inexpediency of highlighting the “fundamental” relations in the field of criminal law in the scope of the subject of constitutional law are proved. It has been established that the general subject of legal regulation in constitutional and criminal law is the legal status of a person and the state, which is fixed, established and adjusted by relevant legal norms.

Հիմնարաներ¹ քրեական իրավունք, սահմանադրական իրավունք, քրեական օրենսդրության սահմանադրականացում, իրավական հարաբերություններ, իրավական կարգավորման առարկա, քրեական իրավահարաբերությունների սուբյեկտների իրավական կարգավիճակ:

Key words: criminal law, constitutional law, constitutionalization of criminal legislation, legal relations, subject of legal regulation, legal status of subjects of criminal legal relations.

Ключевые слова: уголовное право, конституционное право, конституционализация уголовного права, правовые отношения, предмет правового регулирования, правовой статус субъектов уголовного правоотношения.

¹ Уголовное право. Учебник. Т.1. Общая часть / Под ред. А.Э. Жалинского. – М.: Городец, 2011. – С. 62.